

Неизвестный Мейер

Дорогие читатели!

В Ваших руках поистине уникальная книга, и тому есть несколько причин. Прежде всего настоящее издание включает в себя магистерскую диссертацию Дмитрия Ивановича Мейера, представленную к защите в Казанском университете (1846 г.), которая до дня выхода этой книги в свет считалась навсегда утерянной и была своеобразным белым пятном в отечественной науке гражданского права. Немаловажно и то, что издание сопровождается впервые обнародованными редкими историческими документами из Национального архива Республики Татарстан и Российской национальной библиотеки (далее – РНБ) (г. Санкт-Петербург), проливающими свет на жизненный и творческий путь профессора Мейера.

С другой стороны, представляет интерес и сама история создания данной книги, а также персональный состав всех, кто причастен к ее появлению в свет.

Сама идея подготовки книги возникла еще в 2018 г.

В то время наш творческий коллектив совместно с издательством «Статут» запускал и реализовывал очередной научный проект по изданию классических произведений в области гражданского процесса и мы анализировали главным образом часть рукописей и архивов, работая, в частности, с документами профессора Васьковского (впоследствии вышел двухтомник). Работы по гражданскому праву не были главной целью, но когда в архиве Казанского (Приволжского) федерального университета, в отделе редких рукописей, совершенно случайно была найдена та самая рукопись магистерской диссертации Мейера, которая считалась утерянной, мы ясно осознали всю важность подобного открытия. Однако в тот момент возникла очень серьезная проблема – рукопись была в очень плохом состоянии и практически непригодна даже для репринтного издания, поэтому бесценная находка и не была тогда обнародована.

Тем временем приближался 2019 г. – год 200-летия со дня рождения профессора Д.И. Мейера. Мы решили отдать дань памяти этому великому ученому и провели 1 сентября наш очередной симпозиум, но на этот раз под эгидой двух журналов, издаваемых в издательстве «Статут», – «Вестника гражданского процесса» и «Вестника гражданского права», обозначив его тему следующим образом: «Цивилистическое

право и процесс: история, современное состояние и перспективы развития (к 200-летию со дня рождения Д.И. Мейера)». На том памятном для нас мероприятии всем участникам – приехавшим в Казань цивилистам и процессуалистам был подарен двухтомник работ Д.И. Мейера с замечательной вступительной статьей профессора Павла Владимировича Крашенинникова.

Симпозиум имел большой научный резонанс и хорошие отклики, что в свою очередь вселило в нас уверенность в необходимости продолжения работы по адаптации найденной рукописи и архивных документов.

Весь «пандемийный» 2020 г. был посвящен работе в казанских и питерских архивах. Наследие Мейера впечатляло. По мере углубления в его содержательную часть становилось понятно, что в научный оборот могут быть введены и другие новые, ранее неизвестные произведения профессора и не только в области гражданского права, но и в сфере теории права, а также в сфере гражданского процесса. Так, возможно, не меньший научный интерес представляет найденная рукопись его «Курса лекций по гражданскому процессу», который он также в свое время читал в Казанском университете.

Работа с архивами в г. Санкт-Петербурге была бы невозможна без деятельного участия профессора кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия Асхата Назаргалиевича Кузбагарова (большого друга автора этих строк), сумевшего привлечь ряд своих учеников к архивной работе. В частности, большую работу провела сотрудница отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности, аспирантка кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии Мария Андрианова, проживавшая и обучавшаяся на момент реализации проекта в г. Санкт-Петербурге.

Неоценимую помощь в тот период оказал выдающийся российский правовед, профессор Владимир Владимирович Ярков (учитель автора настоящего вступительного слова), который в силу своего природного магнетизма и высокого научного авторитета смог наладить взаимодействие с генеральным директором Российской национальной библиотеки (до 21 января 2021 г.), профессором Александром Павловичем Вершининым, который принял непосредственное участие в организации оцифровки архивов РНБ.

Работа над книгой осуществлялась и в г. Казани, где тоже был свой архив – Национальный архив Республики Татарстан, в котором также хранились документы, связанные с биографией Дмитрия Ивановича

Мейера, по каким-то причинам не переданные в г. Санкт-Петербург при его переезде.

За поиск архивных документов и их последующую адаптацию хочется сказать слова признательности и благодарности адвокату Адвокатской палаты Республики Татарстан, старшему преподавателю кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета Юрию Лукину. Однако на этом его вклад и участие не ограничиваются, ведь важно не только обладать определенными навыками, но и знать людей, которые способны сделать то, что под силу единицам. Благодаря Юрию Лукину состоялось знакомство с Александром Лукиным, человеком чрезвычайно далеким от юриспруденции, но обладающим выдающимися способностями по адаптации трудновоспринимаемых современными читателями рукописных текстов XIX в.

Александр Лукин, будучи научным сотрудником Федерального исследовательского центра «Пушкинский научный центр биологических исследований Российской академии наук», в рамках данного проекта сделал практически невозможное – распознал текст рукописей XIX в., что во многом и позволило данному изданию состояться. Нельзя не отметить, что для этого специалиста не стали преградами ни разные почерки, ни потертости на документах, ни язык того времени, ни иные особенности текстов, над которыми он работал, и именно его имя стоит первым в списке коллег, которые принимали участие в подготовке данной книги.

Настоящее издание является знаковым и для современной научной школы Казанского университета, поскольку, отдавая дань прошлому, мы поступательно движемся вперед и принимаем участие во многих актуальных федеральных и международных программах развития. Поэтому всесторонняя поддержка декана юридического факультета Казанского университета, профессора Лилии Талгатовны Бакулиной осуществлялась на протяжении всего процесса реализации данного издания.

Большую признательность за понимание и поддержку концепции издания необходимо выразить заведующему кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, профессору Валерию Геннадьевичу Голубцову (также другу автора этих строк) – человеку, который, возможно, наиболее полно представляет всю научную концепцию впервые обнародованной рукописи, так как его тема докторской диссертации с ней непосредственно связана.

Наконец, хочется выразить огромную благодарность всей нашей слаженной команде и лично младшему научному сотруднику юридического факультета Казанского университета, помощнику главного редактора журнала «Вестник гражданского процесса» Никите Маколкину, взявшему на себя обязанности менеджера данного проекта и осуществлявшему контроль всех стадий его реализации.

В завершение представления участников создания настоящей книги следует назвать имя депутата Государственной Думы РФ, профессора Павла Владимировича Крашенинникова — человека, горящего своим делом, делом сохранения истории юридической науки. Сложно оценить и описать его вклад несколькими фразами. Однако своими рекомендациями и деятельным участием он сделал возможным выход данного проекта на совершенно другой уровень. Безграничная идейная поддержка Павла Владимировича особенно важна в связи с тем, что именно под его редакцией ранее был подготовлен двухтомник трудов Дмитрия Ивановича Мейера. Особо ценно то, что он, в полном смысле этого слова главный историк права в современной России, также подготовил вступительный очерк, где многогранно представил как историческую фигуру самого Д.И. Мейера, так и его вклад в развитие науки гражданского права в России.

Также было бы неправильно не упомянуть еще одно имя, даже имя нарицательное, — издательство «Статут», возглавляемое Александром Долговым и Кириллом Самойловым, поверившими в этот проект, не только вложившими в его претворение в жизнь финансы, но и лично участвовавшими в нем, всячески поддерживая всех поименованных ранее лиц на всем протяжении подготовки к выходу в свет этой книги.

Так, уважаемые читатели, выглядит история создания книги «Неизвестный Мейер» в именах, лицах и событиях, и именно эта, наверное, даже гремучая смесь, объединившая четыре города и пронесшая общую идею через года, смогла запустить все те процессы, которые привели к тому, что впервые за 165 лет после ухода из жизни Дмитрия Ивановича Мейера, в 2021 г. один из его трудов впервые был опубликован.

Бесспорно, не только фундаментальный труд выдающегося ученого-цивилиста, но также и архивные материалы, о которых шла речь ранее, делают данную книгу более живой и позволяют с помощью исторических документов практически погрузиться в ту эпоху и оценить некоторые особенности и специфику научной и образовательной деятельности того времени, а также ближе узнать личность самого Дмитрия Ивановича Мейера.

Надеемся, что представленное издание будет не только полезно, но и интересно студентам, профессорско-преподавательскому составу юридических вузов и факультетов, юристам-практикам, а также всем, кто интересуется гражданским правом и его историей.

* * *

Для подготовки данной книги были использованы архивные материалы отдела редких рукописей Казанского (Приволжского) федерального университета, архивные материалы из фондов Национального архива Республики Татарстан и Российской национальной библиотеки. Все выделения в тексте сохранены в авторской редакции и, насколько мы можем судить, предназначены для расстановки отдельных акцентов.

*Ответственный редактор,
профессор Казанского университета
Дамир Валеев*

Дмитрий Иванович Мейер

Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856) широко известен в юридических кругах как «отец русского гражданского права», как автор учебника, который и через 150 лет широко используется в вузах, а также как создатель первых в России, по его же словам, «юридических клиник», нацеленных на правовую помощь нуждающимся в этом гражданам. Однако читателям, менее осведомленным в хитросплетениях права, которые, как тешит себя надеждой автор этого очерка, также могут взять в руки эту книгу, все эти слова могут показаться восхвалениями давно ушедшего человека.

Для того чтобы более объемно взглянуть на результаты творчества мыслителя, прожившего всего-то 36 лет, необходимо увидеть их в культурно-исторической перспективе от первой половины XIX в. до наших дней. Именно это мы и попытаемся сделать в этом очерке.

Практически вся сознательная жизнь Дмитрия Ивановича прошла в годы правления императора Николая I (1825–1855). Наиболее емкую характеристику этого периода дал современник Дмитрия Ивановича, известный историк С.М. Соловьев¹: «Начиная с Петра до Николая просвещение народа было целью правительства, все государи сознательно и бессознательно высказывали это; век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные следствия невежества в раскольниковстве, в суевериях... По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугою, стало преступлением в глазах правительства; университеты подверглись опале; Россия предана была в жертву преторианцам; военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять и способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде; имел ли он какие-нибудь способности, знания, опытность в делах — на это не обращалось никакого внимания... Это была воплощенная реакция всему, что шевелилось в Европе с конца прошлого века: на лице Николая всякий легко мог прочесть страшные «мани, факел, фарес» для России: «остановись, плесней, разрушайся!»².

---

¹ Соловьев *Сергей Михайлович* (1820–1879) — русский историк; профессор Московского университета (с 1848 г.), ректор Московского университета (1871–1877); отец знаменитого русского философа В.С. Соловьева.

² *Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других.* Гл. XVI // http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html.

Конечно, речь идет в первую очередь о гуманитарных науках. Сам император имел неплохое инженерное образование и даже поучаствовал в меру сил в таких проектах, как железная дорога Москва – Санкт-Петербург, модернизация морских фортификационных сооружений столицы, строительство Пулковской астрономической обсерватории, а также основал Технологический институт в Петербурге.

А вот философские кафедры были закрыты во всех университетах страны, поскольку «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Автор закавыченного утверждения – министр народного просвещения А.П. Ширинский-Шихматов настаивал на том, чтобы впредь «все науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием». Его предшественник – граф С.С. Уваров, разработчик идеологии официальной народности («**православие, самодержавие, народность**»), посмеявшийся робко возражать против таких нововведений, был уволен оскорбительным письмом, которое заканчивалось так: «Надобно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе»¹.

Политическая элита империи была травмирована декабристским мятежом (1825), Польским восстанием (1830–1831), вероломством австрийского императора Франца-Иосифа, которого Россия фактически спасла, подавив венгерскую революцию (1849), недружелюбным отношением ряда европейских стран к так называемому восточному вопросу² и поддержке Россией православных христиан Османской империи. Однако наибольшую панику при дворе вызвала французская революция 1848 г.

«Повелитель перепугался, перепугался самым глупым образом, как только он один мог перепугаться... Перепугалась его глупая жена, перепугались все его унтер-фельдфебели от той же самой причины и глупости, по невежеству вообще и незнанию России в особенности. Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция. Рассказывали, что императрица, возвратившись с прогулки по петербургским улицам, с удовольствием говорила: «Кланяются! Кланяются!» Она думала, что петербургские чиновники вследствие изгнания Людовика Филиппа перестанут снимать шляпы пред особами императорской фамилии. Но Петербурга еще не так боялись, боялись особенно Москвы; с часу

---

¹ См.: Янов А.Л. Россия и Европа. 1462–1921: В 3 кн. Кн. 2: Загадка николаевской России. 1825–1855. М.: Новый Хронограф, 2007.

² Борьба России за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, а также расширение империи, продвижение на Кавказе и в Средней Азии.

на час ждали известий о московской революции. Но все было тихо; опомнились, посмеялись над страхом своим и поблагодарили русский народ доверенностью за преданность и усердие? Ничуть не бывало! Тут-то Николай и его креатуры показали всю мелочность и гадость своей натуры; они озлобились, начали мстить за свой страх, обрадовались, что в событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не стал скрывать своей ненависти к профессорам, этим товарищам-соумышленникам членов французского собрания»¹.

В итоге придворной элитой был взят курс, который в наше время мемов и хештегов звучал бы как «Россия не Европа». Возникло мощное идеологическое движение славянофилов, видевших особый исторический путь России вне европейской цивилизации, без всяких свободных крестьян, просвещения, конституций, независимых судов и прочих европейских «штучек». Результатом этого курса стала полная политическая изоляция России, поставившая ее на грань катастрофы по итогам Крымской войны (1853–1856).

Профессор Московского университета С. П. Шеврев, развивая упомянутую идеологему «православие, самодержавие, народность», в концентрированном виде сформулировал отношение славянофилов к Европе: «В наших сношениях с Западом мы имеем дело с человеком, несущим в себе злой, заразительный недуг. Мы целуемся с ним, обнимаемся и не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет»². Этот опус вызвал небывалый энтузиазм в придворных кругах.

В общем для российских охранителей нет ничего проще, чем похоронить Европу, — они делали это много раз начиная с XVI в. и периодически в наши дни, но каждый раз слухи насчет ее смерти оказывались несколько преувеличенными.

Понятно, что в такой атмосфере жизнь людей образованных, для которых слово «свобода», практически исчезнувшее из лексикона того времени, по-прежнему значило многое, была непростой. Некоторые отчаивались, некоторые уезжали, но были и те, кто старался противостоять официальной идеологии.

Практически на каждой университетской кафедре имелись две партии — славянофилов и западников, которые вели между собой непри-

---

¹ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Гл. XVI.

² Шеврев С. П. Взгляд русского на просвещение Европы // Москвитянин. Учено-литературный журнал. 1841. № 1.

миримую борьбу, порой казавшуюся мелкими склоками, за должности декана, завкафедрой, ординарного профессора. Подробное описание такого рода разборок – взаимный остракизм, интриги, доносы, подсиживание и т.д. – между профессорами Московского университета можно прочитать все в тех же «Записках» С.М. Соловьева. Если хватит терпения, конечно. Однако более емкую характеристику этого явления можно найти у поэта А.К. Толстого, одного из авторов незабвенного Козьмы Пруtkова, в стихотворении «Церемониал»:

«Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и других ногти нечисты¹.
Ибо, если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности.
И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.
На краю разверстой могилы
Умеют спорить нигилисты и славянофилы».

Не только А.К. Толстой вместе с братьями Жемчужниковыми с иронией относились к идеологическим баталиям того времени. В стороне от этого «праздника жизни» осталась практически вся юридическая общественность. Просто потому, что среди профессоров юридических факультетов и кафедр не было славянофилов. Ведь юридические начала для последних были неприемлемы в силу «органических причин»².

Может показаться удивительным, но гонения на просвещение в юридической сфере практически отсутствовали. По крайней мере сведения о баталиях между профессорами-юристами по политическим аспектам, а тем более о гонениях до нас не дошли. Наоборот, известно, что многие студенты и выпускники юридических кафедр

---

¹ На просторах Интернета, оказывается, даже можно найти ответ на животрепещущий вопрос: почему у тех и других ногти нечисты? Потому что нигилисты (западники) все время занимаются откапыванием похороненной (славянофилами) Европы, а у славянофилов всегда кусочек родной земли при себе.

² Поэт-сатирик Б.Н. Алмазов, характеризуя воззрения славянофилов, писал:
«По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим –
Сим исчадьем сатаны».
См.: *Крашенинников П.В.* Серебряный век права. М.: Статут, 2017. С. 47.

часто направлялись на стажировку в «умирающую» Европу и возвращались оттуда с полным набором соответствующих идей и знаний. Провозили они их, понятное дело, в головах, а не в чемоданах, так что уследить за этим было невозможно. И это при том, что идея правового государства, возникающая во времена Державина и Сперанского, тогда практически угасла¹.

Однако если внимательнее посмотреть на устремления Николая I, этот, казалось бы, парадокс легко можно объяснить. Так, историк В.О. Ключевский писал: «Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости с помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами... Консервативный и бюрократический образ действия — вот характеристика нового царствования; поддержать существующее с помощью чиновников — еще так можно обозначить этот характер»².

Император видел свое предназначение в том, чтобы сберечь Россию, ну и «сберегал» в меру своего понимания. Его идеалом было полицейское государство, все институты которого исправно функционируют по законам, дарованным властями. Собственно, лозунг «Диктатура закона!» — это лозунг полицейского, а не правового государства, целью последнего является гармонизация прав и свобод социальных слоев населения и отдельных граждан. Как мы видели³, неукоснительное следование законодательству отнюдь не является панацеей от произвола и вопиющих нарушений прав человека, характерных для тоталитарных государств, что и наблюдалось в XX в.⁴

В рамках этой доктрины Николай I сумел привести в чувство донельзя расхлябанную еще со времен наполеоновских походов армию, из которой в свое время вышло большинство декабристов. Он всерьез пытался бороться с мздоимством (коррупцией) — судебное преследование чиновников за казнокрадство и прочие злоупотребления при нем

---

¹ См.: Крашенинников П.В. 12 апостолов права. М.: Статут, 2016. С. 4–14.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 5 / Под ред. В.Л. Янина; послесл., коммент., сост.: В.А. Александрова, В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 241.

³ См.: Крашенинников П.В. Серебряный век права. С. 68–75.

⁴ См.: Крашенинников П.В. Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018.

стало обыденной практикой. Очевидно, он нуждался в четком и системном законодательстве, являющемся как бы инструкцией по эксплуатации государственного механизма. Неслучайно одним из первых его рескриптов было учреждено Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, задачей которой и было упорядочение российского законодательства.

Хотя М.М. Сперанский¹ формально и не получил официальной должности в этой Канцелярии, он, работая в Государственном Совете, стал фактически руководителем осуществленной в конечном счете работы. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что это был уже не тот Сперанский – активный идеолог правового государства, разделения властей в рамках конституционной монархии, выборности ключевых должностных лиц государства, который осуществлял реформаторскую деятельность при Александре I. Теперь, при Николае I, это был ярый сторонник самодержавия. Тем не менее его предложение подготовить гражданское уложение императору не понравилось. Чуть позже Николай I повелел создать Свод существующих законов с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в их существе². Как уж получилось – это вопрос другой, но задача ставилась именно такая.

Действительно ли М.М. Сперанский скрупулезно выполнил волю императора или все-таки кое-что позаимствовал в иностранных, в основном французских, правовых актах – до сих пор остается предметом спора правоведов. Однако, как бы то ни было, гигантская работа, которую предполагали осуществить все российские императоры начиная с Петра I, была осуществлена, и в 1833 г. были утверждены Полное собрание законов и Свод законов Российской империи. Это одно из немногих деяний Николая I, с которым он вошел в историю и которое было позитивно оценено потомками. Следует отметить, что император лично докладывал указанные законы на Государственном Совете.

Однако в России отсутствовала система подготовки кадров, способных понимать суть законодательства и оперировать им. Для этого требовался совершенно иной склад мышления, нежели тот, которым обладали российские чиновники. Так что волей-неволей приходилось

---

¹ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель, реформатор, при Николае I руководил систематизацией законодательства.

² См.: *Крашенинников П.В.* Семь жизней графа Сперанского. М.: Эксмо, 2021.